

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

В данной публикации рассматривается специфика влияния турецкого фактора на этнополитический процесс в Крыму. Выделяются основные ресурсы воздействия Турецкой Республики на этнополитический процесс на Крымском полуострове. Рассматривается влияние ряда гуманитарных организаций на данный процесс. Отмечается, что актуализация крымско-татарского вопроса для турецкой внешней политики происходит после распада Советского Союза. Делается вывод о том, что, несмотря на активные попытки усилить свое геополитическое влияние в регионе, политика Турции в отношении Крыма даже после событий 2014 года продолжает оставаться достаточно умеренной: Турция не признает результаты референдума 2014 года, выступая в защиту территориальной целостности Украины, но при этом не поддерживает введенные ЕС и США санкции против Российской Федерации.

Ключевые слова: Россия; Крымский полуостров; Турецкая Республика; внешняя политика, этнополитический процесс, крымские татары, диаспора.

Цель данной работы заключается в определении характера влияния турецкого фактора на этнополитический процесс в Республике Крым. Дается анализ внешней политики Турецкой Республики в отношении Крымского полуострова в разные исторические отрезки; проводится сравнение специфики проводимой властями Турции политики в этом регионе до и после 1991 года и выделяются ее принципиальные отличия.

Исторические предпосылки формирования интересов Турецкой Республики в Крыму

Турецкий фактор влияния на этнополитический процесс на Крымском полуострове обусловлен одновременно как историко-культурными связями населения Турции и крымских татар, так и многочисленной крымско-татарской диаспорой

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190184-2.

в самой Турции и геополитическим положением полуострова в целом, которое, с одной стороны, позволяет контролировать ситуацию в Азово-Керченской акватории, а с другой — предоставляет выход к проливам Босфор и Дарданеллы.

Информация о точной численности крымских татар, проживающих на территории Турецкой Республики, довольно сильно разнится. В Турции существуют анклавные территории, на которых компактно проживают как крымские татары, так и многие культурно близкие им этнические группы. Обязательно нужно принимать во внимание и тот важный аспект, что официальная национальная политика Турецкой Республики направлена на аккультурацию и ассимиляцию нетурецкого населения, а информация об этническом составе страны не публикуется в открытых источниках, в частности таких, как перепись населения [1, с. 27].

Ученый А. Г. Шевчук отмечает, что Турецкая Республика рассматривает крымско-татарский этнос как свою диаспору и вследствие этого занимается лоббированием интересов крымских татар, учитывая данный аспект при выстраивании собственной геополитической стратегии в Причерноморском регионе [5, с. 281].

Исторически к одним из наиболее ключевых идейных ресурсов влияния Турции на этнополитический процесс в Крыму относится идеология пантюркизма, основанная на цели достижения культурной, этнической, политической и экономической интеграции тюркских народов, центральная роль в которой отводится Турецкой Республике как самому сильному геополитическому и социально-экономическому игроку из всех государств с доминирующей тюркской составляющей.

Как уже отмечалось ранее, существенным ресурсом воздействия Турции на этнополитический процесс в Крыму выступает турецкая крымско-татарская диаспора. В различные исторические отрезки в турецкой политической элите было немало представителей, имеющих крымско-татарское происхождение [1, с. 28]. Известный ученый У. Шафран в своей работе обращал внимание на то, что к фундаментальным особенностям диаспоры относится наличие у представителей этнической общины своего этнического самосознания, а также достаточно четко сформированного образа исторической родины. Одновременно с этим, как отмечает исследователь, приверженность исторической родине способна откладываться в национальном самосознании диаспоры на уровне исторической памяти, на различных этапах являющейся основой для пропаганды идей репатриации. Как пишет У. Шафран, «представители диаспоры имеют проблематичные взаимоотношения с окружающей этнокультурной средой, в которой они проживают, воспринимая ее как угрозу ассимиляции» [8].

Современные каналы влияния Турции в Крыму

Каналами влияния Турецкой Республики на крымско-татарский этнос также являются различные гуманитарные организации. К таковым относятся Агентство по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi; сокр. — TİKA) и Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков. Деятельность Союза культуры и взаимопомощи крым-

ских тюрков направлена на различную помощь соотечественникам в Республике Крым, в особенности на поддержку культуры и этнической идентичности крымских татар.

Что касается Агентства по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции, то его деятельность ориентирована на выработку механизма взаимодействия между высшими учебными заведениями, государственными учреждениями и неправительственными организациями [4]. Помимо Крымского полуострова данная организация имеет влияние и осуществляет свою деятельность также на территориях ряда государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Южного Кавказа, а также Северной Африки [2, с. 94].

Немаловажное значение для воплощения внешней политики Турецкой Республики имеет политика «мягкой силы», основу которой составляют несколько основных принципов. В сфере культуры и просвещения подобная политика ориентирована на создание специальных школ, в которых преподаются турецкий язык, история и культура, а также на открытие в высших учебных заведениях кафедр преподавания турецкого языка. В Республике Крым до 2014 года под эгидой Агентства по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции функционировали проекты (например, проект «1000 домов» для крымско-татарского населения), финансирование которых доходило до \$25 млн. [3, с. 147]. Также распространенной практикой являлось заключение соглашений между высшими учебными заведениями Турецкой Республики и Крыма с целью организации совместных проектов в области науки и инноваций.

Осуществлялось сотрудничество и в области развития предпринимательства, а также улучшения инвестиционного климата, которое заключалось в создании советов различных уровней, упрощающих деятельность бизнес-структур [3, с. 147].

К одним из главных контрагентов турецко-крымско-татарского взаимодействия на территории Крымского полуострова относится также запрещенная в России организация «Меджлис крымско-татарского народа», уже много лет выступающая посредником в процессе продвижения турецкого капитала на полуостров. Как указывает ученый О. В. Рябцев, данная структура «по вполне понятным причинам имеет «карт-бланш» в процессе распределения инвестиционных средств. Более того, по оценкам некоторых крымских экспертов, для лидеров «Меджлиса» турецкий капитал стал едва ли не основным источником личного обогащения. Одновременно с активизацией работы Агентства на крымской «площадке» под эгидой «Меджлиса» был создан фонд «Крым», председателем которого стал М. Джемилев. Фонд выступает в роли основного партнера ТІКА не только в Крыму, но и целом на Украине» [2, с. 96]. В Республике Крым в настоящее время турецкий капитал максимально широко представлен в муниципальных образованиях с высокой долей крымско-татарского этноса в структуре населения: в Белогорском, Бахчисарайском, Нижнегорском и Симферопольском районах [2, с. 97]. Также можно говорить о наличии отлаженной модели сотрудничества «Меджлиса крымско-татарского народа» с бизнес-сообществом и официальными предста-

вителями Турецкой Республики, о чем свидетельствует систематическое участие руководства «Меджлиса» в регулярных поездках в Турцию в рамках украинских делегаций и участие в ряде переговорных процессов на территории Украины.

Трансформация политики Турции в Крыму

В годы холодной войны крымско-татарский вопрос особо не входил во внешнеполитическую повестку Турции. Ситуация изменилась после распада Советского Союза, когда крымские татары, наряду с другими тюркскими этническими группами Советского Союза, заняли немаловажное место в рамках повестки дня турецкой внешней политики.

Сразу после распада Советского Союза ряд турецких политиков и дипломатов неоднократно посещали Крым и способствовали возвращению и переселению крымских татар различными способами, а также надеялись заручиться их поддержкой, которая могла бы стать оплотом Турции в Черноморском регионе [6, с. 380]. Президент Турции Сулейман Демирель (1993–2000 гг.) отзывался о крымских татарах как о «турецких братьях», обещая оказывать им всевозможную помощь и поддержку: «Мы заинтересованы в судьбе крымских татар. Их множество в нашей стране, а также в России и Украине. Наш интерес к татарам не носит политического характера. Мы хотим, чтобы у них была безопасность и уважение в своей собственной стране, так как они наши братья» [9]. Фактически, Крым вошел в дискурс турецких политиков с начала 1990-х годов, но долгие годы данный интерес не носил политического характера.

В первые месяцы после событий 2014 года Турция, в отличие от других держав, воздерживалась от открытой критики действий России. Единственной на тот момент прямой официальной реакцией являлось заявление премьер-министра Эрдогана, в котором он подчеркнул, что «Турция не оставит крымских татар одних» [6, с. 381]. Это было неудивительно, поскольку во время кризиса аспект культурной близости народов был важной составляющей турецкой внешней политики. Кроме того, следует учитывать и то, что влияние Крыма на Турцию — это нечто большее, чем просто политический аспект. В Крыму проживает порядка 300 тыс. автохтонных татар тюркского происхождения, которые в свое время поддержали протесты против украинского президента В. Ф. Януковича и выступили против выхода региона из состава Украины и вхождения в состав России. Прозападная позиция крымских татар поставила их на путь конфронтации с русским населением полуострова.

Немаловажную роль играет также тот факт, что в Турции проживает довольно значительный сегмент крымско-татарского населения, что может стать одним из определяющих внутренних политических факторов. Крымские татары в Турции являются одними из наиболее политически организованных групп меньшинств с десятками общественных организаций, имеющих достаточно положительный имидж внутри страны. Во многом именно поэтому после событий 2014 года тогдашний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу немедленно посетил Киев, заявив, что Турция будет стремиться защитить права крымских татар, при этом акцентируя внимание на важности сохранения терри-

ториальной целостности Украины: «... для нас имеет большое значение, чтобы крымские татары жили в мире вместе с другими этническими группами в Крыму как равноправные граждане и в рамках единства Украины. [...] Турция готова оказать всяческую поддержку для светлого будущего как Украины, так и Крыма» [6, с. 381].

Однако официальная позиция Турции, выходящая за рамки ее риторики, оставалась достаточно умеренной по сравнению с позицией других региональных субъектов. В то время как соседи Украины сформировали две различные группы в отношении своей позиции по отношению к России, Турция не встала на четкую и неоспоримую сторону Украины, как это сделали ее традиционные проевропейски и атлантически ориентированные соседи [6, с. 382]. Турция, с одной стороны, не признала результаты референдума в Крыму по воссоединению с Российской Федерацией от 16 марта 2014 года, и неоднократно заявляла о своей приверженности принципам территориальной целостности Украины, но, с другой стороны, она отказалась вводить санкции против России, как это сделали ЕС и США. В то время как Турция одобрила Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27 марта 2014 года, подтверждающую территориальную целостность Украины, она в некотором смысле нарушила резолюцию, используя в тот период транспортные линии для передвижения по Крыму. Кроме того, турецкая сторона с энтузиазмом восприняла возможность увеличения экспорта в Россию в результате решения Москвы ввести эмбарго на поставки продовольственных товаров из западных стран [7, с. 382]. Это подтверждают слова тогдашнего министра экономики Турции Нихата Зейбекчи, который охарактеризовал Россию в качестве «дополнительной возможности для Турции»: «Мы должны сделать эту возможность сильной, долгосрочной, постоянной и корпоративной» [6, с. 382].

В марте 2015 года, на пресс-конференции с бывшим председателем Национального собрания крымско-татарского народа Мустафой Кырымоглу, тогдашний премьер-министр Турецкой Республики Ахмет Давутоглу заявил, что у Турции единая позиция по Крыму с ЕС и НАТО; при этом, он еще раз упомянул, что Турция также «оставляет открытые двери для дипломатического процесса с Россией по крымскому вопросу из-за ее геополитического положения» [6, с. 382].

Выводы

Обобщая вышеизложенное, отметим, что исторически одним из ключевых факторов формирования геополитических интересов Турции в Крыму является фактор крымско-татарской диаспоры в стране, что, в свою очередь, способствует дополнительному стимулированию политики лоббирования интересов крымских татар со стороны турецкого правительства.

Проведенный анализ показал, что до распада СССР Крым особо не входил во внешнеполитическую повестку Турции. Ситуация изменилась после распада Советского Союза, когда крымские татары, наряду с другими тюркскими этническими группами Советского Союза, заняли немаловажное место в рамках повестки дня турецкой внешней политики. Еще одной причиной стало постепенное возвращение к принципам пантюркизма во внешней политике Турции в XXI веке.

К каналам влияния Турции на этнополитический процесс в Крыму относятся различные общественные и гуманитарные организации. В частности, к таковым относятся Агентство по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi; сокр. — TİKA), «Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков», а также запрещенный в России «Меджлис крымско-татарского народа».

Еще один вывод заключается в том, что после событий 2014 года политика Турции в отношении Крыма продолжает оставаться достаточно умеренной: Турция не признает результаты референдума 2014 года, выступая в защиту территориальной целостности Украины, однако при этом не поддерживает введенные ЕС и США санкции против Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадеев, К. Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / К. Н. Ахмадеев // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — № 3. — С. 27–30.
2. Рябцев, О. В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России: на примере крымско-татарского национального движения: дис. на соиск. Учен. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / Рябцев Олег Владимирович; Южный федеральный университет. Ростов н/Д, 2008. — 182 с.
3. Сафонкина, Е. А. Турция как новый фактор политики «Мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — № 2. — С. 145–166.
4. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Шевчук А. Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма: науч.-практ. дискус.-аналит. сборник. — Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь, 2012. — С. 275–282.
6. Ereker F. A., Özer U. Crimea in Turkish-Russian Relations: Identity, Discourse, or Interdependence?/F. A. Ereker, U. Özer. — DOI=10.30958/ajss.5-4-2 // Athens Journal of Social Sciences. — 2018. Vol. 5, Iss. 4. — p. 371–388.
7. Göksel D. N. Turkey's Russia Conundrum: To Court or to Curb?/D. N. Göksel // Eurasia Review Policy Brief. — 2014. — 23 Sep.
8. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return / W. Safran. — <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>//Diaspora: A Journal of Transnational Studies. — 1991. — Vol. 1, № 1. Spring. — P. 83–99.
9. Williams, B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation the Diaspora Experience and the Forging of a Nation / B. G. Williams. — Leiden: Brill, 2001.

Uznarodov D. I.

Federal State Budgetary Institution of Science

«Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences»

THE CRIMEAN PENINSULA
IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF TURKEY

This paper examines specifics of the influence of Turkish factor on the ethno-political process in the Crimea. The main resources of the influence of Turkish Republic on the ethno-political process on the Crimean peninsula are allocated. The role of the influence of a number of humanitarian organizations on this process is considered. It is noted that the actualization of the Crimean Tatar issue for Turkish foreign policy occurs after the collapse of the Soviet Union. It is concluded that, despite active attempts to increase its geopolitical influence in the region, Turkey's policy towards Crimea continues to be quite moderate even after the events of 2014: Turkey does not recognize the results of the 2014 referendum, defending the territorial integrity of Ukraine, while not supporting sanctions, imposed by the EU and the US against Russian Federation.

Key words: Russia; Crimean Peninsula; Republic of Turkey; foreign policy; ethno-political process; Crimean Tatars; diaspora.

